

Научная статья / Research Article

УДК 93/94

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-171-180

Светлана Вячеславовна Бершадская

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

bsv97@yandex.ru

ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В 1920-е гг. (НА ПРИМЕРЕ СЛОБОД И ПРИГОРОДОВ г. КРАСНОЯРСКА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье предпринята попытка реконструкции отдельных аспектов повседневной жизни жителей городских сообществ – обитателей слобод и пригородов г. Красноярска в 1920-е гг. – как недостаточно изученного феномена локальной истории. Актуальность темы определяется возможностью выявления социальных последствий компактного проживания групп со схожими социокультурными и статусными характеристиками. В условиях активизации миграционных процессов в современных городских ландшафтах нередко формируются места автономного обитания таких групп, создавая повышенную рискогенность, что актуализирует необходимость обращения к теме, в том числе в контексте исторического опыта. В статье основной исследовательский ракурс сосредоточен на анализе выявленных автором архивных источников – протоколов заседаний краеведческих кружков, организованных при Государственном музее Приенисейского края и Педагогическом музее г. Красноярска – и репрезентации обитателей слобод и пригородов в региональных СМИ 1920-х гг. На основе исследования особенностей социокультурного облика жителей данных территорий, взаимодействия с другими акторами городского пространства, реконструкции условий повседневной жизни и способов проведения свободного времени иницируется процесс составления социальной характеристики, выявляются основания для придания обитателям слобод и пригородов Красноярска схожих статусных характеристик и возможные причины социально-пространственной сегрегации в дискурсе местного социума. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что в локальных условиях провинциального сибирского города 1920-х гг. особенности бытовой и рабочей повседневности, досуговые предпочтения жителей слобод и пригородов становились одной из причин появления «невидимых границ» внутри городского пространства. Перспективы дальнейшего исследования связаны с возможностью составления целостной картины повседневной жизни городских жителей провинциальных территорий в первые годы после восстановления советской власти, выявления причин.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Красноярск, 1920-е гг., слобода, повседневная жизнь, быт, досуг, городские сообщества, городское пространство

Для цитирования: Бершадская С.В. Городские сообщества в 1920-е гг. (на примере слобод и пригородов г. Красноярска Енисейской губернии) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 171–180. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-171-180.

Svetlana Vyacheslavovna Bershadskaia Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
bsv97@yandex.ru

**URBAN COMMUNITIES IN THE 1920s (ON THE EXAMPLE
OF SLOBODAS AND SUBURBS OF KRASNOYARSK, YENISEI PROVINCE)**

The paper attempts to reconstruct certain aspects of the daily life of residents of urban communities - residents of slobodas and suburbs of Krasnoyarsk in the 1920s – as an insufficiently studied phenomenon of local history. The relevance of the topic is determined by the possibility of identifying the social consequences of compact living of groups with similar sociocultural and status characteristics. In the context of intensified migration processes in modern urban landscapes, places of autonomous residence of such groups are often formed, creating an increased riskiness, which actualizes the need to address the topic, including in the context of historical experience. In the paper, the main research perspective is focused on the analysis of archival sources identified by the author - minutes of meetings of local history circles organized at the State Museum of the Prienisei Region and the Pedagogical Museum of Krasnoyarsk - and the representation of inhabitants of slobodas and suburbs in regional media of the 1920s. Based on a study of the characteristics of the sociocultural appearance of the residents of these territories, interaction with other actors in the urban space, reconstruction of the conditions of everyday life and ways of spending free time, the process of compiling a social characteristic is initiated, the reasons for giving the inhabitants of slobodas and suburbs of Krasnoyarsk similar status characteristics and possible reasons for socio-spatial segregation in the discourse of local society are identified. The results of the study makes it possible to conclude that in the local conditions of a provincial Siberian city in the 1920s the peculiarities of everyday life and work, and the leisure preferences of residents of slobodas and suburbs became one of the reasons for the appearance of “invisible borders” within the urban space. Prospects for further research are related to the possibility of drawing up a holistic picture of the daily life of urban residents of provincial territories in the first years after the restoration of Soviet power and identifying the reasons.

Keywords: Yenisei province, Krasnoyarsk, 1920s, sloboda, daily life, way of life, leisure-time, urban communities, urban space

For citation: Bershadskaia S.V. Urban communities in the 1920s (on the example of slobodas and suburbs of Krasnoyarsk, Yenisei province) // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 2. S. 171–180. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-171-180.



Введение. Повседневная жизнь городского населения [1, 2, 3, 4] Енисейской губернии в первое послереволюционное десятилетие достаточно подробно исследована сибирскими историками. Исследователи рассмотрели специфику и динамику изменений облика городского населения, проблемы материально-бытовой обеспеченности. Основное внимание традиционно уделялось трансформациям экономической и социокуль-

турной сфер в результате революционных и постреволюционных событий [5, 6, 7]. Среди публикаций, посвященных отдельным слоям городского населения губернии, необходимо выделить работы, исследующие «привилегированные» социальные группы, – представителей органов государственной власти [8, 9], а также женскую часть городского населения [10], социокультурный облик вынужденных переселенцев (беженцев и

военнопленных) [11] и стратегии приспособления к условиям проживания на территории Енисейской губернии членов общины китайских мигрантов [12].

В фокусе данной работы – жители слобод и пригородов административного центра Енисейской губернии г. Красноярск в 1920-е гг.

Цель исследования. Попытка реконструкции повседневной жизни жителей слобод и пригородов на основе анализа следующих параметров: особенности рабочей и бытовой повседневности, досуговых предпочтений, взаимодействие с другими акторами городского пространства.

Выдвигается гипотеза, что особенности повседневности жителей окраин становились причиной социально-пространственной сегрегации в дискурсе городского социума. В рамках исследования под социально-пространственной сегрегацией понимается полное или частичное обособление в физическом городском пространстве [13, с. 163] групп населения со схожими социокультурными и статусными [14, с. 309]. Несмотря на большое количество исследований, посвященных процессам становления «нового советского» общества в первое послереволюционное десятилетие [15–22], сохраняется актуальность разработки темы на локальном уровне.

Методология исследования. В работе применялся комплексный системный метод, позволяющий исследовать отдельные особенности структуры повседневной жизни обитателей слобод и пригородов г. Красноярск в 1920-е гг. как единой, объединенной причинно-следственными связями совокупности, и инициировать процесс составления социальной характеристики обитателей городских локальных периферийных автономных сообществ в первые годы после восстановления советской власти. Перспективы дальнейшего исследования связаны с составлением целостной картины повседневной жизни городских жителей провинциальных территорий в переходный период.

Результаты исследования и их обсуждение. В рассматриваемый период в пространстве губернского центра Енисейской губернии – города Красноярск – выделялись следующие периферийные территориальные кластеры: Николаевская слобода (Николаевка), Алексеевская (Алексеевка), Закачинская, Покровская (Покровка), III Интернационала. Особый статус в дискурсе городского социума также занимали местности, известные как слобода Таракановка, располагавшаяся по южному склону Афонтовой горы вдоль линии железной дороги, район Поповый Луг – по правому берегу реки Качи от Юдинского моста до тюрьмы и далее – так называемый Затюремный район. Закачинская слобода возникла в пространстве губернского центра приблизительно в 1850-е гг., благодаря переселению жителей деревни Голощаповой, располагавшейся вдоль линии железнодорожных путей [23, л. 53]. Николаевская слобода располагалась в районе железнодорожных мастерских города [24, с. 4].

Таким образом, в 1920-е гг. в Красноярске большая часть рассматриваемых кластеров являлась уже сложившимися, традиционными социальными городскими пространствами [25, с. 44]. Исторически сложившаяся пространственная локализация, компактность проживания обитателей данных территорий создавали ментальные предпосылки социально-пространственного обособления в дискурсе местного социума. В пользу особого статуса жителей слобод и пригородов [26, с. 39] свидетельствуют многочисленные публикации в местной прессе. Кроме того, вопросы, связанные с историей возникновения и особенностями жизни людей, населявших слободы и пригороды, являлись предметом многочисленных исследований местной научной общественности уже в рассматриваемый период. Так, например, особенности слободы Таракановка исследовались сразу двумя краеведческими кружками, организованными при местных музеях, – кружком «Старого Красноярск», работавшим при Государственном музее

Приенисейского края (сообщение было подготовлено членом кружка А.Г. Юдиной) [27, л. 29], и географической секцией при Педагогическом музее г. Красноярска (сообщение было подготовлено членом секции Д.М. Корытовой) [23, л. 34, 53]. Особую ценность данных исследований составляет факт того, что при подготовке докладов к заседаниям кружков и А.Г. Юдина, и Д.М. Корытова использовали как материал опросов, проведенных среди местных жителей, так и материал собственных наблюдений, что можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу особого статуса жителей слобод и пригородов в дискурсе городского социума в первые годы после восстановления советской власти.

Социокультурный облик жителей слобод и пригородов Красноярска определялся исходно низким социально-экономическим уровнем развития как самого города, так и его многонационального населения [7, 8, 9, 17]. Социальный состав жителей слобод, как и самого губернского центра [28, с. 2], был достаточно однороден. Однако имелись и некоторые отличия. Так, в слободе III Интернационала проживали в основном рабочие железнодорожных мастерских [29, с. 5]. Закачинская слобода была населена преимущественно татарами и цыганами, в слободе проживало много «старожилов» города. Жители были в основном заняты кустарными промыслами – рыбным, веревочным, кожевенным, молочным, горшечно-кирпичным, в малых размерах – скотоводством, торговлей и извозом. Основными занятиями жителей Покровки были торговля и подсобные промыслы [23, л. 53]. В целом в социальном составе жителей слобод и пригородов были зарегистрированы преимущественно рабочие заводов, проживавшие, в отличие от жителей городского центра [7, 8], достаточно оседло.

В рассматриваемые хронологические рамки 63 % от общего числа жителей проживали в центре города, на периферии, соответственно, особенной скученности в условиях проживания не

наблюдалось. Однако быт слободчан был еще более неблагоустроен, чем жителей губернского центра [30]. В слободах и пригородах практически полностью отсутствовала социальная инфраструктура – не было базаров, библиотек, почт, не работало радио, было мало школ, практически полностью отсутствовали водопроводная и телефонная сети [23, л. 53]. Нередко случались пожары, из-за которых у жителей полностью сгорали надворные постройки, в некоторых случаях – дома. Только в двух слободах – Николаевской и III Интернационала – были свои пожарные части, однако их работа вызывала критику слободчан. Неудовлетворительная работа частей была связана со скудным материально-техническим обеспечением. Так, в пожарной части Николаевской слободы элементарно не хватало лошадей для транспортировки воды и пожарных [31, с. 4], а в пожарной части слободы III Интернационала не работал телефон [32, с. 3]. Из всех рассматриваемых периферийных территорий только в Закачинской слободе были своя школа и библиотека, часть домов имела электрическое освещение [23, л. 53]. По городу в целом в более чем 50 % жилых зданий и квартир было проведено электрическое освещение [33, с. 4]. Тем не менее ни социальный состав, ни бытовые условия не становились причинами специфической репутации обитателей данных районов и самих районов у жителей городского центра.

Одним из факторов формирования негативного отношения жителей центра в отношении слободчан являлось неблагополучное санитарно-гигиеническое состояние жилых и нежилых построек, улиц и переулков. Так, когда администрация железной дороги устроила отвал, сбрасывая снег с путей прямо на переход между железнодорожными мастерскими и Николаевской слободой, обитателей слободы данный факт не смутил. Воспользовавшись случаем, они начали сюда же сливать свои нечистоты [34, с. 4]. В хлебопекарне слободы, располагавшейся по ул. Овражной №

107/2 и снабжавшей некоторые магазины городского центра, царила невообразимая грязь. И даже зимой над тестом летал рой мух, а по квашням бегали мыши. Свежеиспеченные горячие булки из печи выкладывались прямо на грязную полку. В местной прессе нередко звучали упреки в адрес органов местной власти в отношении бездеятельности. Вопрос о том, «...заглядывал ли туда санитарный надзор?» нередко становился лейтмотивом публикаций раздела «Город за день», освещавших необходимость улучшения санитарных условий жизни жителей слобод [35, с. 4].

Другой причиной отрицательного восприятия была криминогенная ситуация в слободах и пригородах, обитатели которых, кроме того, еще и нередко враждовали между собой. Особенно регулярные стычки происходили между обитателями Николаевской и Закачинской слобод, имевшими самую плохую репутацию в городе, что нашло отражение в местном фольклоре [23, л. 53]. Повышенную рискогенность дополняли традиционные беды бытовой повседневности [1, 2, 3, 20] – пьянство и хулиганство. В публикациях местной прессы отмечался факт того, что не только женщины, но и мужчины, вынужденные возвращаться с работы поздно ночью, боялись ходить по ночам по улицам слобод [29, с. 5]. Самой «спокойной» в отношении правопорядка считалась Алексеевская слобода, в которой было даже свое досугово-рекреационное пространство – сад [23, л. 53].

Еще одним из поводов для негатива со стороны жителей центра было варварское отношение обитателей слобод к «зеленым» пригородным зонам. Так, например, негодование вызывала вырубка леса о. Татышева жителями Закачинской слободы, «опустошавшими» остров на дрова. Уничтожение деревьев и лозняка на острове, являвшимся одним из мест отдыха жителей города, также становилось очередной темой очередной публикации местной прессы [36, с. 3].

Однако особой причиной отрицательных эмоций жителей центра в отношении слободчан становились их досуговые «предпочтения», которые воспринимались как социальное зло, несущее угрозу жизни людей. Как уже было отмечено выше, в пожарной части Николаевской слободы катастрофически не хватало лошадей [30, с. 4]. Зато их хватало у местных любителей конных скачек, которые были популярным времяпровождением части обитателей, особенно в праздничные дни. Во время бешенных скачек пыль на улицах стояла столбом, прихожие рисковали быть затоптанными и были вынуждены «красться стороной». «Жокеи» тут же на полянке распивали самогон, что нередко заканчивалось драками, по окончании которых «любители состязаний» вновь вскакивали на лошадей и скачки продолжались, а после бегов ходили по улицам слободы «с похабными песнями» [37, с. 3].

«Финансы, традиционно сконцентрированные в столице, позволяли затевать» не только строительство грандиозных архитектурных проектов [22, с. 335–342], но и «срывать до основания и заново застраивать» печально известные «неизлечимые при старом строе» трущобы – Хитровку, Кулаковку и другие [38]. В локальных условиях провинциального сибирского города местные власти вынуждены были ограничиваться публикациями в прессе, проводить мероприятия, нацеленные на повышение общеобразовательного уровня, организовывать места общественного культурного досуга, которому в рассматриваемый период уделялось особое внимание [2, 3, 15, 18, 20, 21]. Еще в 1920 году в самом начале широко развернутой кампании по ликвидации неграмотности среди взрослого населения города Красноярск одна из первых школ грамоты была организована в Алексеевской слободе. Школа была открыта при II Железнодорожном училище. Инструктором-организатором школы [39, л. 102] была назначена член местной губграмчека беспартийная учительница Зинаида Ивановна Гурьянова [39, л. 158].

Одни из первых городских вечерних образовательных курсов для взрослых были открыты в другом «рабочем районе» – в Николаевской слободе. С января по май 1920 года было проведено около 100 занятий. Курсы закончили почти 60 чел. из 157 записавшихся. В одном из отчетов внешкольного подотдела Енисейского губернского отдела народного образования отмечалось, что не закончившим обучение на курсах «на лето придется ограничиться скромными немногочисленными экскурсиями, так как, кроме воскресений, слушатели не располагают свободным временем» [40, л. 23].

Кроме того, органами местной власти, педагогической общественностью дефицит культурно-образовательных учреждений рассматривался не только как фактор значительного снижения возможностей культурной социализации, но и как одна из основных причин утраты скромных навыков чтения и письма обитателей слобод и пригородов. Так, например, по мнению членов секции по ликвидации неграмотности Енисейского губернского отдела народного образования, «рецидив неграмотности» коснулся «особенно тех лиц, которые живут на околотках, где возможность почитать и прочесть газету отсутствует, и где нет какого либо просветительного учреждения» [41, л. 49].

В 1926 г. в пожарной части слободы III Интернационала был торжественно открыт красный уголок. На открытии присутствовали почти 200 чел., играл струнный оркестр, состоялся спектакль, выступали «живогазетчики». Для библиотеки уголка были выписаны газеты и журналы, и на момент открытия в фонде библиотеки оказались 24 книги. Кроме того, в уголке были созданы так называемые «пóлки – авиахима, кооперации, политической грамоты» [42, с. 3].

Таким образом, в локальных условиях Красноярска в 1920-е гг. проблемы социальной инфраструктуры слобод и пригородов, проживание в них масс населения со схожими социокультурными характеристиками позволяют отнести

рассмотренные территории к одним из первых «советских субурбий» [43, с. 26].

Заключение. На основании анализа заявленной темы необходимо выделить ряд аспектов. Социокультурный облик обитателей слобод и пригородов Красноярска в 1920-е гг. определялся исторически сложившимися локализацией, компактностью проживания, гомогенностью и относительной стабильностью социального состава. Указанные факторы нередко служили основанием для придания обитателям данных территорий схожих статусных характеристик в дискурсе местного социума и становились предметом исследований местной научной общественности.

К негативным социальным последствиям компактного проживания групп населения со схожими статусными характеристиками необходимо отнести изолированность и отсутствие конструктивного взаимодействия с другими акторами городского пространства. Однако в восприятии жителей центра губернского города «невидимые границы» слободских и пригородных районов были обусловлены, прежде всего, плотностью деструктивных социальных явлений, которые регулярно освещались на страницах местной прессы, ставшей одним из факторов формирования общественного мнения. Неудовлетворительная санитарно-гигиеническая обстановка, повышенная криминогенность в слободах и пригородах, рутинное равнодушие их обитателей к экологическим проблемам города создавали ментальные предпосылки социальной сегрегации. Особенности досугового времяпровождения жителей слобод и пригородов, не соответствовавшие требованиям нового «советского» образа жизни, становились основной причиной маргинализации.

Можно предположить, что наличие культурно-просветительных учреждений и мест массового отдыха в Алексеевской слободе г. Красноярска было немаловажным фактором позитивного восприятия данной территории жителями центра города. Таким образом, именно отдельные особенности повседневной жизни

жителей слобод и пригородов г. Красноярска в 1920-е гг. становились причиной восприятия их городским социумом в качестве стагнирующих, маргинальных периферийных сообществ.

Список источников

1. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 482 с.
2. *Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Повседневная жизнь советского провинциального города: казус Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 282 с.
3. *Демчик Е.В.* Частное предпринимательство в Сибири в 1920-е годы. Барнаул, 2018. 347 с.
4. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе / *С.С. Букин, А.А. Долголюк, В.И. Исаев* [и др.]. Новосибирск: Сибир. науч. изд-во, 2011. 336 с.
5. Становление советского здравоохранения в Российской провинции в 1920-е годы / *Т.А. Катцина, И.И. Крылов, Н.В. Пашина* [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25. № 1. С. 41–45.
6. *Дворецкая А.П.* Секуляризация в Приенисейском регионе в первой трети XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 1.
7. *Крылов И.И.* Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг. Красноярск, 2010.
8. *Карчаева Т.Г.* Социокультурный облик служащих низового советского аппарата управления Восточной Сибири в первой половине 1920-х гг. // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14. № 8. С. 1219–1230.
9. *Юрлов П.В.* Енисейская губернская номенклатура в годы НЭПа // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2 (20). С. 380–384.
10. *Долидович О.М., Карчаева Т.Г.* Политическая мобилизация женщин в 1920-х гг. (на материалах Енисейской губернии) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 129–137.
11. *Баранцева Н.А.* Беженцы и военнопленные Енисейской губернии послереволюционной эпохи (1917–1925 годы) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 10–13.
12. *Дацьишен В.Г., Кутилова Л.А.* Китайцы в Приенисейской Сибири в конце 1910-х – 1920-е гг.: исследование регионального варианта общины мигрантов и уточнение концептуальных понятий // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2020. № 65. С. 154–164.
13. *Siddi N.* The Invisible Boundaries in the City // Journal of Frontier Studies. 2021. Т. 6. № 1 (21). P. 160–169.
14. *Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л.* Социально-пространственная сегрегация города на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска // Регион: Экономика и социология. 2017. № 2 (94). С. 308–325.
15. *Сидорчук И.В.* Советская работница как объект досуговой политики в 1920-е гг. // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 160–168.
16. *Орлов И.Б.* Феномен советскости в отечественной историографической традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 597–607.
17. *Гонина Н.В.* Советская политика стирания граней между городом и деревней и объективный процесс урбанизации села: диалог или противостояние // Материалы III Национальной научной конференции, посвященной памяти доктора

- исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, 2021. С. 311–318.
18. Сидорчук И.В. Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х – начала 1930-х годов) // Научный диалог. 2021. № 10. С. 462–480.
 19. Рыбаков Р.В. Социально-политическая идентичность молодежи в эпистолярном наследии 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 72–86.
 20. Аксарин В.В. Девиантное поведение жителей в городах Западной Сибири в начале XX века // Научный диалог. 2020. № 6. С. 355–370.
 21. Спиридонова Л.Н., Федотова А.Ю. "От мрака к свету. От битвы к книге. От горя к счастью": досуг городских жителей Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 60–68.
 22. Барышева Е.В. Советские архитектурные проекты: утопия и реальность // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 558 с.
 23. ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 11.
 24. Новый отвал // Красноярский рабочий. 1924. № 8.
 25. Григоричев К.В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9). С. 44–51.
 26. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. "Частный сектор": негородские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Отгиск, 2023. 128 с.
 27. НА КККМ. Оп. 01. Д. 357.
 28. Предварительные итоги демографической переписи 1920 года по Енисейской губернии // Бюллетень № 72. 1921. 26 янв.
 29. Костельницкий. Пора пресечь хулиганство // Красноярский рабочий. 1925. № 248. С. 5.
 30. Бершадская С.В. Жилищный кризис в сибирских городах в начале 1920-х гг. (по материалам газеты "Красноярский рабочий") // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 34. С. 22–27.
 31. Перехвалили // Красноярский рабочий. 1924. № 5. С. 4.
 32. Рабкор № 52. Сторят и не дозвонятся // Красноярский рабочий. 1924. № 129. С. 3.
 33. Из итогов Всероссийской переписи населения 1920 года // Бюллетень № 84. 1921. 18 февр. С. 4.
 34. Новый отвал // Красноярский рабочий. 1924. № 8. С. 4.
 35. Город за день // Красноярский рабочий. 1923. № 292. С. 4.
 36. В защиту красот природы // Красноярский рабочий. 1924. № 81. С. 3.
 37. Безобразничают // Красноярский рабочий. 1924. № 132. С. 3.
 38. Гуляровский В.А. Москва и москвичи. URL: <https://www.litres.ru/book/vladimir-gulyarovskiy/moskva-i-moskvichi-171956/chitat-onlayn/page-2>.
 39. ГАКК. ФР-93. Оп.1. Д. 105.
 40. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39.
 41. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 306.
 42. Хренов. Пожарники довольны // Красноярский рабочий. 1926. № 292. С. 3.
 43. Чураков С.К. «Советская субурбия» // Городская среда и городское развитие: сб. науч. тр. по мат-лам научн.-практ. конф. «Города как центры развития» (Обнинск 21–22 авг. 2020 г.). М., 2020. С. 23–31.

References

1. *Lebina N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu.* М.: Novoe lit. obozrenie, 2018. 482 s.

2. *Malysheva S.YU., Sal'nikova A.A.* Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo provintsial'nogo goroda: kazus Kazani. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. 282 s.
3. *Demchik E.V.* Chastnoe predprinimatel'stvo v Sibiri v 1920-e gody. Barnaul, 2018. 347 s.
4. Formirovanie industrial'no-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione /*S.S. Bukin, A.A. Dolgolyuk, V.I. Isaev* [i dr.]. Novosi-birsk: Sibir. nauch. izd-vo. 2011. 336 s.
5. Stanovlenie sovetskogo zdravookhraneniya v Rossiiskoi provintsii v 1920-e gody / *T.A. Kattsina, I.I. Krylov, N.V. Pashina* [i dr.] // Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2017. T. 25. № 1. S. 41–45.
6. *Dvoret'skaya A.P.* Sekulyarizatsiya v Prieniseiskom regione v pervoi treti KHKH veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2015. № 1.
7. *Krylov I.I.* Usloviya zhizni gorozhan v Prieniseiskom regione v 1921–1929 gg. Krasnoyarsk, 2010.
8. *Karchaeva T.G.* Sotsiokul'turnyi oblik sluzhashchikh nizovogo sovetskogo apparata upravleniya Vostochnoi Sibiri v pervoi polovine 1920-kh gg. // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2021. T. 14. № 8. S. 1219–1230.
9. *Yurlou P.V.* Eniseiskaya gubernskaya nomenklatura v gody NEHPa // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2012. № 2 (20). S. 380–384.
10. *Dolidovich O.M., Karchaeva T.G.* Politicheskaya mobilizatsiya zhenshchin v 1920-kh gg. (na materialakh Eniseiskoi gubernii) // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. № 2. S. 129–137.
11. *Barantseva N.A.* Bezhentsy i voennoplennyye Eniseiskoi gubernii poslerevoluyutsionnoi ehpokhi (1917–1925 gody) // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 2017. № 22. S. 10–13.
12. *Datsyshen V.G., Kutilova L.A.* Kitaitsy v Prieniseiskoi Sibiri v kontse 1910-kh – 1920-e gg.: issledovanie regional'nogo varianta obshchiny mi-grantov i utochnenie kontseptual'nykh ponyatii // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya. 2020. № 65. C. 154–164.
13. *Siddi N.* The Invisible Boundaries in the City // Journal of Frontier Studies. 2021. T. 6. № 1 (21). P. 160–169.
14. *Sidorova O.S., Mosienko N.L.* Sotsial'no-prostranstvennaya segregatsiya goroda na primere rynka zhiloi nedvizhimosti Novosibirsk // Region: Ehkonomika i sotsiologiya. 2017. № 2 (94). S. 308–325.
15. *Sidorchuk I.V.* Sovetskaya rabotnitsa kak ob"ekt dosugovoi politiki v 1920-e gg. // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2023. № 2 (79). S. 160–168.
16. *Orlov I.B.* Fenomen sovetskosti v otechestvennoi istoriografiche-skoj traditsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2022. T. 21. № 4. S. 597–607.
17. *Gonina N.V.* Sovetskaya politika stiraniya granei mezhdou gorodom i derevnei i ob"ektivnyi protsess urbanizatsii sela: dialog ili protivostoyanie // Materialy III Natsional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora, zasluzhennogo rabotnika vysshei shkoly Vasiliya Vasilevicha Grishaeva. Krasnoyarsk, 2021. S. 311–318.
18. *Sidorchuk I.V.* Dosug v byudzhetskikh vremeni sovetskikh gorozhan (po materialam issledovaniyu 1920-kh – nachala 1930-kh godov) // Nauchnyi dialog. 2021. № 10. S. 462–480.
19. *Rybakov R.V.* Sotsial'no-politicheskaya identichnost' molodezhi v ehpisto'yarnom nasledii 1920-kh gg. // Vestnik arkhivista. 2020. № 1. S. 72–86.
20. *Aksarin V.V.* Deviantnoe povedenie zhitelei v gorodakh Zapadnoi Sibiri v nachale KHKH veka // Nauchnyi dialog. 2020. № 6. S. 355–370.

21. *Spiridonova L.N., Fedotova A.YU.* "Ot mraka k svetu. Ot bitvy k knige. Ot gorya k schast'yu": dosug gorodskikh zhitelei srednego Povolzh'ya v 1920-e gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2019. № 60. S. 60–68.
22. *Barysheva E.V.* Sovetskie arkhitekturnye proekty: utopiya i real'-nost' // Sovetskii proekt. 1917–1930-e gg.: ehtapy i mekhanizmy realizatsii: sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 558 s.
23. GAKK. FR-796. Op. 1. D. 11.
24. Novyi otval // Krasnoyarskii rabochii. 1924. № 8.
25. *Grigoriev K.V.* Ot slobody do suburbii: prigorody Irkutsk v poslednei treti XX – nachale XXI v. // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2012. № 2 (9). S. 44–51.
26. *Grigoriev K.V., Dyatlov V.I., Timoshkin D.O.* "Chastnyi sektor": negorodskie prostanstva i soobshchestva rossiiskogo goroda. Irkutsk: Ottisk, 2023. 128 s.
27. NA KKKM. Op. 01. D. 357.
28. Predvaritel'nye itogi demograficheskoi perepisi 1920 goda po Eniseiskoi gubernii // Byulleten' № 72. 1921. 26 yanv.
29. Kostel'nitskii. Pora presech' khuliganstvo // Krasnoyarskii rabochii. 1925. № 248. S. 5.
30. *Bershadskaya S.V.* Zhilishchnyi krizis v sibirskikh gorodakh v nachale 1920-kh gg. (po materialam gazety "Krasnoyarskii rabochii") // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2020. T. 34. S. 22–27.
31. Perekhvalili // Krasnoyarskii rabochii. 1924. № 5. S. 4.
32. Rabkor № 52. Sgoryat i ne dozvonyatsya // Krasnoyarskii rabochii. 1924. № 129. S. 3.
33. Iz itogov Vserossiiskoi perepisi naseleniya 1920 goda // Byulleten' № 84. 1921. 18 fevr. S. 4.
34. Novyi otval // Krasnoyarskii rabochii. 1924. № 8. S. 4.
35. Gorod za den' // Krasnoyarskii rabochii. 1923. № 292. S. 4.
36. V zashchitu krasot prirody // Krasnoyarskii rabochii. 1924. № 81. S. 3.
37. Bezobraznichayut // Krasnoyarskii rabochii. 1924. № 132. S. 3.
38. *Gilyarovskii V.A.* Moskva i moskvichi. URL: <https://www.litres.ru/book/vladimir-gilyarovskiy/moskva-i-moskvichi-171956/chitat-onlayn/page-2>.
39. GAKK. FR-93. Op.1. D. 105.
40. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 39.
41. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 306.
42. *Khrenov.* Pozharniki dovol'ny // Krasnoyarskii rabochii. 1926. № 292. S. 3.
43. *Churakov S.K.* «Sovetskaya suburbiYA» // Gorodskaya sreda i gorodskoe razvitie: sb. nauch. tr. po mat-lam nauchn.-prakt. konf. «Goroda kak tsentry raz-vitiYA» (Obninsk 21–22 avg. 2020 g.). M., 2020. S. 23–31.

Статья принята к публикации 4.04.2024/
The article has been accepted for publication 4.04.2024.

Информация об авторе:

Светлана Вячеславовна Бершадская, старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации

Information about the authors:

Svetlana Vyacheslavovna Bershadskaya, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Professional Communication

